

жизненная правдивость которых была результатом не «реалистичности литературы, а реальности самой жизни, как бы перенесенной в литературу»,¹⁵ появляются эпизоды, созданные при участии художественного вымысла и тем не менее жизненно правдивые, воздействующие на читателя не только исторической достоверностью изображения, но и художественной его убедительностью.

Наиболее яркий из старших примеров появления внутри «документального» текста летописи рассказа, в котором обнаруживаются элементы художественно правдивого описания событий, представляет помещенный под 1097 г. рассказ попа Василия об ослеплении князя теребовльского Василька.¹⁶

«Лирическая стихия», т. е. авторская оценка, выражается в этом рассказе разными способами, действенными для древнерусского читателя. Прежде всего, отдавая дань обязательному религиозно-философскому осмыслению этого феодального преступления, автор изображает виновников его действующими по наущению дьявола. Так, с самого начала выясняется резко отрицательная оценка их автором: «Сотона влезе в сердце некоторым мужем» Давыда, и они оклеветали Василька «лживыми словесы». Этой ссылкой на козни «сотоны» — виновника клеветы на Василька, ограничивается дань летописца официальной идеологии. Весь дальнейший рассказ раскрывает поведение конкретных виновников преступления, их жестокость, нарушение клятвы. Этот рассказ, с его вполне реалистической оценкой возможных гибельных последствий для всей Русской земли возобновившихся междукняжеских распрей («да аще сего не поправим, то большее зло встанет в нас и начынет брат брата закалати и погыбнет земля Русьская и врази наши, половцы, пришьдъше възьмутъ землю Русьскую», — говорит Владимир Мономах князьям), показывает, как далек его автор от намерения раскрыть лишь «ближайшие поводы» данного события, «не углубляясь в специальный его анализ» (стр. 76).

Связав начало новой смуты между князьями с кознями «сотоны», автор сразу настроил читателей на свое отношение к преступлению князей.

Этим отношением обусловлен и способ изображения главного, по мнению автора, виновника ослепления Василька — князя Давыда. Шаг за шагом описывая, как склонял он Святополка поверить в злые умыслы Василька, автор самым подбором глаголов, определяющих действия и настроения Давыда, подсказывает свою оценку его поведения. Давыд «прельсти» своего сообщника, он «лестъ коваше» на Василька, «нача поостривати» Святополка на ослепление; Давыд сидел рядом с Васильком «аки нем», не было в нем «гласа и ни послушанья, бе бо ужаслся и

как самому себе равный и управляющийся силами, находящимися в нем самом, а человеческую личность — как полностью предоставленную самой себе и опирающуюся во всем только на свои собственные решения и действия». Однако если в творчестве Шекспира и Сервантеса «реализм как тип художественного мышления» действительно впервые получил свое законченное выражение, то путь к его выработке был длительным и опыт его накапливался на Западе еще в городской новелле XII—XIII вв. с ее реалистическими тенденциями.

¹⁵ Д. С. Лихачев. К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе, стр. 7.

¹⁶ ПСРЛ, т. II (Ипатьевская летопись). СПб., 1908, столб. 231 и сл. — Хотя И. П. Еремин и отмечает, что этот рассказ «почти с осязаемой наглядностью дает представление о жизни своего времени» (стр. 76), однако и к нему он относит свое определение метода изображения жизни «какая она есть», имеющего лишь познавательное, но не эстетическое значение, тем самым исключая этот образец «прозы» из области литературы как искусства.